

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-251-266>

<https://elibrary.ru/RRUYK>

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

Л.Г. Дорофеева, Н.П. Жилина
КЛЮЧЕВЫЕ МОТИВЫ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЖИТИИ
ЛИТОВСКИХ МУЧЕНИКОВ
АНТОНИЯ, ИОАННА И ЕВСТАФИЯ:
К ПРОБЛЕМЕ АГИОГРАФИЧЕСКОЙ ТОПИКИ

Аннотация: В статье проводится анализ ключевых мотивов в Житии литовских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия. Решается вопрос о соотношении «житийной схемы» и «живого содержания» жития, заключающегося в уникальности личности святых и поэтике «нюансов» (Г.П. Федотов). Главными сюжетными мотивами, определяющими содержание и структуру жития, являются *мотив уподобления Христу* (“*imitatio Christi*”) и *мотив братства* (родственности), которые рассматриваются в их связи и взаимовлиянии. Первый и главный тоpos мученических житий “*imitatio Christi*” испытывает в данном житии влияние второго ключевого мотива-топоса *братства*, составляющего сюжетную линию братьев Антония и Иоанна. Содержание этого мотива определяет оппозиция плоти (братство по крови) и Духа (братство по вере во Христа). Старший брат Иоанн проходит через искушение плотью, страхом перед страданиями и смертью, соглашаясь внешне поступать по языческим обычаям, внутренне сохраняя веру. Но это приводит к его отпадению от Христа и к отказу Антония от родственной связи с ним. Возвращение Иоанна к Христу и путь к мученической кончине связан с его родственной любовью к Антонию, которая обретает смысл братства по Духу, а тоpos “*imitatio Christi*” представляет здесь еще один смысловой вариант — движения святого «не вслед за Христом, но к Нему» (Т.Р. Руди). Образ Евстафия, «утраивая» святость своих родственников-мучеников Антония и Иоанна, вводит идею Троичности Бога, выраженную в строительстве на месте мучений святых церкви во имя Святой Троицы, что также привносит дополнительный смысл в мотив уподобления Христу — служения Богу-Троице.

Ключевые слова: древнерусская агиография, Житие литовских мучеников Антония, Иоанна, Евстафия, агиографическая топика, мотив “*imitatio Christi*”, мотив братства, поэтика «нюансов».

Lyudmila G. Dorofeeva, Natalia P. Zhilina
**KEY MOTIFS IN OLD RUSSIAN HAGIOGRAPHY
OF THE LITHUANIAN MARTYRS ANTHONY, JOHN AND
EUSTATHIUS: TO THE PROBLEM OF HAGIOGRAPHICAL TOPIC**

Abstract: The article examines the key motifs in the Vita of the Lithuanian Martyrs Anthony, John and Eustathius. The question of relationship between “hagiographic scheme” and “live content” of Vita, which consists in the uniqueness of saints’ personality and poetics of “nuances” (G.P. Fedotov), is resolved. The leading motifs that determine the content and structure of Vita are the motif of acting like Christ (“imitatio Christi”) and the motif of brotherhood (kinship), which is considered in their connection and mutual influence. The first and main topos of the martyrdom lives “imitatio Christi” is influenced in this hagiography by the second key motif, topos of the brotherhood, which makes up the storyline of brothers Anthony and John. “Imitatio Christi” is the first and main topos in Vita of martyrs. The content of the motif is determined by the opposition of flesh (brotherhood by blood) and Spirit (brotherhood by the faith in Christ). Elder brother John after going through temptation by flesh, fear of suffering and death, agrees to act according to pagan customs outwardly, while maintaining faith internally. But this leads to his falling away from Christ and to Anthony’s rejection of any kinship with him. John’s return to Christ and his way to martyrdom is associated with his kindred love for Anthony, which develops the meaning of brotherhood in the Spirit, while the topos “imitatio Christi” is represented here by its semantic variant — the way of the saint “not following Christ, but towards Him” (T.R. Rudi). The image of Eustathius, adding to and thus “tripling” the holiness of his relatives — martyrs Anthony and John, introduces the idea of Trinity of God, expressed in building the church in the name of Holy Trinity on place of the martyr’s death of his brothers, the saints, which also brings additional meaning to the motif of “imitatio Christi” — men’s service to Trinital God.

Keywords: Old Russian hagiography, Life (Vita) of the Lithuanian martyrs Anthony, John and Eustathius, hagiographic topic, “imitatio Christi” motif, motif of brotherhood, poetics of “nuances.”

В области изучения агиографии очевидна динамика исследовательской мысли в направлении герменевтического анализа текста, обновляющего и структурный его анализ. Концепция «застывшей формы» жития (клише, схема и т. д.), обусловленной статичностью образа святого, сложившаяся в литературоведении в XX в., начиная с работ Х.Г. Лопарева [4], отсекала саму необходимость изучения

смысловой составляющей этих форм, их динамики, вариативности решений, т. е. того «искусства нюансов», о котором писал Г.П. Федотов [9, с. 28–29].

Между тем, как показывает современная практика анализа древнерусской агиографии, понимание житийного канона как *содержательной* формы дает возможность увидеть в житии не только формальную повторяемость мотивов, сюжетов, образов, но в этой повторяемости — особенность их содержания, поэтики и уникальность личности святого. И здесь встает вопрос о соотношении устойчивых форм житийного канона, или «житийной схемы», с живым содержанием житий, образами святых.

Житие литовских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия относится к малоизученным памятникам древнерусской агиографии. Есть исследования историографического и текстологического характера (см.: [8; 5; 10]), но литературоведы к этому тексту не обращались. Между тем это житие представляет интерес как явление литературное, и именно с точки зрения изучения агиографической топики.

Мы обратились к текстам двух проложных житий, опубликованных в 2000 г. Дариусом Баронасом в его исследовании, посвященном этим литовским святым [10]: рукописи Литовской академии наук № 102 «Страсти святых мучеников Антония, Иоанна и Евстафия» («Сии бяху от мѣста литовскаго, огню и тии служаще подобно и с другимъ племенем своим») [13], относящейся к XV в. (далее «Страсти...») и Виленской рукописи № 147 «Память святых мученикъ соущих от страны земля литовская. Антониа, Иоана и Евстафия»¹ («Подобнѣ инымъ единойзычным их») [11] XVI в. (далее — «Память...»). Обе рукописи находятся в Библиотеке Литовской академии наук.

Основу мученического жития, к которому относится изучаемое нами, составляет мотив-топос *уподобления*, или *подражания Христу*. Смысл этого топоса говорит о том, что, каковы бы ни были конкретные обстоятельства, в которых принимает мучение святой, неизменным остается выбор святого и мотивация его выбора — «доброволь-

¹ Н.М. Сперанский, исследуя сербское житие литовских мучеников и сопоставляя его с другими известными на тот момент текстами, отмечает их значимость: «сербские тексты, а с ними и Виленский № 147, сохранили лучшее, наиболее соответствующее делу чтение, тогда как остальные его уже изменили» [8, с. 17].

ная смерть за веру» как свидетельство «о победе Христа над смертью и о своем усыновлении Христу, т. е. о реальности Царствия Небесного, достигнутого ими в мученичестве» [2, с. 58]. Первообразом мученичества и является Сам Христос, поэтому «мученичество — это следование путем Христовым, повторение страстей и искупительной жертвы Христа» [2, с. 58].

Т.Р. Руди, считая, что «топосом может быть любой повторяющийся элемент текста — от отдельной устойчивой литературной формулы до мотива, сюжета или идеи» [6, с. 61], говорит о «мотиве следования или уподобления, подражания Христу» (*“imitatio Christi”*), который «является общим (и основным — независимо от степени его выраженности в конкретном тексте) мотивом житийных памятников в целом — как жанра» [6, с. 69], при этом справедливо считая его важнейшим именно для житий мучеников. М.В. Антонова, развивая мысль Т.Р. Руди, разделяет функционирование топосов на макро- и микроуровни и предлагает выделить отдельно *сюжетные топосы*, определяя их как «эпизоды с единой семантикой и относительно устойчивой конструкцией, которые можно рассматривать на макроуровне житийной топики» [1, с. 173], поскольку топосы «могут существовать в форме краткого высказывания и представлять собой некую устойчивую словесную формулу, а могут разворачиваться в более или менее обширный сюжетный повествовательный эпизод» [1, с. 173]. И, добавим, устойчивые мотивы могут становиться основой развития сюжета, что мы и наблюдаем в Житии литовских мучеников.

Т.Р. Руди, приводя примеры из мученических житий о «мотиве следования Христу», делает интересное замечание в отношении рассматриваемого нами жития: «В Житии литовских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия в эпизоде, рассказывающем о том, что старший брат отвергся Христа, но впоследствии, после мученической смерти Антония, также принял страдание, говорится: “Тако и сей страсто-терпец, подвиг мученический совершивъ, поиде ко подвигоположнику Христу, за нь же добръ(ять) подвизався”². Хотя в данном случае мотив следования Христу несколько изменен (святой идет не вслед за Христом, но к нему), однако тем не менее он явственно звучит: Иоанн, совершив мученический подвиг, идет к подвигоположнику Хри-

² Т.Р. Руди приводит цитату по рукописи: РНБ. Собр. ОЛДП. Q.264. Л. 51 об.

сту <...>, т. е. следует, подражает ему в страдании и смерти» (курсив Т.Р. Руди. — Л.Д., Т.Ж.) [6, с. 72].

Возникает вопрос: почему этот мотив «несколько изменен» и что стоит за этой сменой предлога «идет вслед *за*» на «идет *к*» Христу? Очевидно, что здесь есть почти незаметные смысловые сдвиги, которые оказываются существенными для понимания образа святого и характера его подвига. Для ответа на этот вопрос обратимся к анализу ключевых сюжетных топосов данного жития в их связи между собой и в контексте содержания образов святых.

В этом житии отчетливо выделяются, помимо многих, два ключевых устойчивых агิโอграфических мотива, участвующих в сюжетном развитии: *мотив свидетельства истинной веры* — главный для мученических житий — и *мотив братства* (вариант мотива *родственности*). Оба мотива в данном житии обретают свое достаточно оригинальное смысловое наполнение, будучи связанными между собой. Особый интерес вызывает *мотив братства*.

Первая и большая часть жития посвящена двум братьям — Иоанну и Антонию. Акцент в самом начале жития делается на том, что они были язычниками-огнепоклонниками, приняли оба одновременно крещение от священника Нестора и были братьями *по плоти*, как свидетельствует «Память...» XVI в.: «Иоан оубо и Антоние братиа по плъти бѣху и подобаящее христианом показаяще жител(ь)ство» [11, с. 252], а в проложном житии «Страсти...» XV в. говорится о том, что Иоанн был *старше* Антония: «Иоаннъ оубо възрастом старъ а иж(е) по нем Антонии именуе(т)ся» [13, с. 268], — акцент, важный для нас. Поначалу, служа князю литовскому, братья скрывали, что они христиане: «оба же крыюще ся яко суть христиане» [13, с. 268]. Причем в «Страстях...» XV в. говорится о том, что они *скрывали* вначале свою веру, а в «Памяти...» XVI в. упоминается: князь литовский *не ведал*, что они христиане («Пребываахоу слоужаще огнеслужителю к(ъ)н(я)зю литовьскому оба же не вѣдыа яко соу(т) хр(и)стиане» [11, с. 252]). До тех пор не ведал, пока не исповедовали они открыто свою веру, *отказавшись нарушить пост*.

В древнерусских житиях не раз встречается *мотив отказа от еды*, когда еда приобретает духовный смысл идоложертвенного либо связана с нарушением поста, как это описано в Житии Василька Ростовского, убитого в Шернском (Шеренском) лесу татаро-монголами.

В рассматриваемом житии отказ от еды повторяется несколько раз, как и ношение браны, нестрижение волос, что говорит об их религиозно-символическом смысле как основном: в житии то, что относится к *плоти*, материальному миру, обретает духовный смысл. *Мотив братства*, ключевой в развитии сюжета Антония и Иоанна, тесно связан с вопросом об отношении к *плоти*. Известно, что родственность в языческом сознании ограничивается кровной связью, при которой в семейной иерархии особенно важна степень старшинства³. В агиографии указание на родственные связи святых — нередкое явление, что и позволяет выделять мотив-топос родственности. Это и супружеские пары, и целые семьи, их много, начиная со святых праотцов Адама и Евы до царственных мучеников XX в. В переводных житиях известны святые-братья Флор и Лавр, Косма и Дамиан, семья Евстафия Плакиды, который вместе с женой и двумя сыновьями принимает мученическую кончину, и т. д. В древнерусской агиографии самый яркий образец братства явлен в «парных святых», братьях Борисе и Глебе, совершивших *один подвиг — страстотерпчества*. При этом для Глеба именно любовь к брату оказалась сильнейшей мотивацией к подвигу. Братство здесь являет единство в вере, что делает духовной их родственную любовь друг к другу. Известны и «тройственные святые», например, Гурий, Самон и Авива, которые не были братьями по плоти, но через мучения стали духовными братьями во Христе, что усиливает идею духовного братства.

Но родственность братьев *по крови* как агиографический *мотив, включенный в содержание самого подвига*, — явление не типичное. Либо святые братья по плоти одновременно и братья по вере во Христа, что снимает проблему старшинства и «удваивает» святость (Флор и Лавр, Косма и Дамиан, Борис и Глеб), либо братья по крови — антагонисты, и старший стремится убить младшего, утверждая свое старшинство (например, библейский Иоарам, убивший своих братьев, Святополк — убийца братьев Бориса и Глеба).

Возникает вопрос: означает ли это с точки зрения христианских ценностей отмену кровного родства, родственности по плоти? Каков смысл этой родовой связи в контексте святости? Житие литовских

³ Напомним, что мотив старшинства между братьями становится одним из ключевых в сюжетном развитии в Сказании о Борисе и Глебе.

мучеников, на наш взгляд, дает ответ на этот вопрос. Мотив братства здесь обладает особой остротой и связан с главным конфликтом, но не внешним — мучитель/мученик, — а внутренним: выбором между свидетельством веры ценой жизни — и компромиссом с последующим отпадением от Христа. В контексте этого конфликта агиографический топос свидетельства веры мученичеством в уподобление Христу (*“imitatio Christi”*) обретает дополнительный смысл, который привносится еще одним мотивом — *внутреннего выбора* между *духом* и *плотью*, что выражено в *сюжете отпадения и восстановления в святости*. Это более редкий мотив и сюжет. Но и у него есть каноническое основание в Евангелии — в образе святого апостола Петра, отпавшего (трижды отрекшегося от Христа) и через покаяние вновь обретшего единство с Христом и ставшего апостолом.

Для жития наличие *внутреннего* конфликта в образе святого нетипично, а в данном житии таковой является основным в развитии образа старшего по возрасту брата — Иоанна, сюжет которого включает *мотив искушения*, перешедшего затем в *мотив испытания*. Источником искушения для Иоанна становится его же отношение к *плоти* жизни, к естеству. Естественны его желание жить, уйти от страданий, жить по принципу «как другие» — внутренне по-прежнему верить во Христа, а внешне соблюдать языческие правила — обряды и пр., что естественно и понятно для человека плотского: «Лѣтоу же преходящоу малод(у)шествовавъ Иоанъ и отчаав ся искушениом же и страда(а)нием нарекоуетъ к(ъ)нязю темницоу извести с(я) моля, готовоу быти г(лаго)ля всѣ оусрдно повеления исполнити. Еже оубо и быс(ть) и явленне оубо яко единославенъ имъ бѣ и вѣроу подобенъ въ себѣ же х(ри)стианство имѣя, страха ради и моук не хотя себе объявити» [11, с. 254]. То есть Иоанн в данном случае поступает по *естеству человеческого*. Но святость — это есть поступок *сверх* естества, который открывает реальность сверхъестественной жизни, нетленного бытия.

Здесь определяющей в житии и оказалась роль *братской родственной любви*. Нетрудно заметить, что в сюжетном движении Иоанна ключевыми в его пути к святости становятся моменты именно *братского* общения, его связь с младшим братом Антонием.

В самом начале повествования Иоанн и Антоний являют собой одно целое: одинаковы в своем выражении веры, в поведении, почему и изображены они нераздельно. Они оба принимают крещение. Оба вер-

но служат князю, оба отказываются есть мясо в постный день, их обоих тут же отправляют в темницу, они оба воспринимают темницу как Царство Небесное, оба пребывают в радости о Христе, которая характеризует все мученические жития и является агиографическим топом. Но далее происходит их разделение. После отступления Иоанна, не смогшего терпеть длительное пребывание в заточении, а именно после его обращения к Ольгерду с обещанием соблюдать внешние установки, принятые в языческой среде (а внутренних никто и не требовал!), их тоже освобождают вместе, *не разделяя*, что можно объяснить языческим признанием принципа старшинства в роду: Антоний, как младший брат, должен быть *за* старшим и во всем ему подражать. Но теперь они, оставаясь пока еще вместе, уже не представляют одно целое, их характеристики разнятся, совершаемые ими поступки противоположны. Антоний в своем поведении неуклонно ровен и целен. Отпущенный из темницы вместе с Иоанном, он, в отличие от старшего брата, *не* меняет своего образа жизни и внешности. Брата же укоряет и назидает его как *падшего* («назидоуя его падша» [11, с. 254]). То есть он занимает в этот момент *место старшего* по принципу не плотского, а духовного старшинства. При этом Антоний от Иоанна *не отрекается* и не перестает с ним общаться. Но до того момента, как приходится вновь явно проявить свою веру и опять посредством *еды*. Ситуация первая повторяется, как бы удваивается: вновь в присутствии князя и всех приближенных в постный день предлагается мясо: «и нѣкогда прѣдстояще к(ъ)н(я)зю обычнѣ Иоаннѣ оубо предлежащимъ мясом причащаше ся» [11, с. 254] («и некогда предстояще к(ъ)н(я)зю обычно, Иоаннѣ оубо предлежащихъ мяс вкушаше» [13, с. 270]).

Но только Иоанн его ест, а Антоний отказывается: «Он же не въсхотѣ и явленно хр(и)стианина себе показа» [13, с. 270], за что и возвращается опять в темницу. Теперь Антоний остается в одиночестве в своем исповедании веры. Так происходит их разъединение не только физическое, но и духовное. Антоний отказывается от общения с Иоанном, отрекается от *братства по плоти*. Более того, Иоанн отторгается всем миром, в том числе и языческим, он не «свой» нигде («Иоаннѣ же и от хр(и)стианъ презираемъ, и от нечѣстивыхъ оукарѣемъ» [11, с. 254]).

Следующий этап пути Иоанна — покаяние и движение к подвигу, причем постепенное. Житие, конечно, не изображает внутренние

переживания святого, представлены только поступки, речь и некоторый комментарий агиографа. Поступки и говорят о начинающемся раскаянии Иоанна, о преобразении его «внутреннего человека». Он просит священника быть ходатаем перед братом, чтобы тот его простил и не отрекался от него *как от брата*, но пока — только *по плоти*! При этом *не обещает*, что он открыто исповедует себя христианином. Заметим, что в житии литовских мучеников из Четых Миней свт. Дмитрия Ростовского в этом месте звучит фраза: «Сознав свой великий грех, Иоанн начал со слезами каяться в своем падении и, придя к вышеназванному пресвитеру Нестору, стал молить его, чтобы он был ходатаем за него пред братом» (курсив наш. — Л.Д., Н.Ж.) [12, с. 941], чего нет в изучаемых нами текстах. В «Памяти...» сразу после слов о презрении к нему и язычников и христиан просто говорится: «Пришед къ предреч(е)нному Нестору молъше того ходатаа быти еже ко братоу прѣменения, еже простити ся от него» [11, с. 254]. На этот момент его любовь к брату остается кровно-родственной, естественной, и такой же *естественной любви* он ждет от Антония.

В ответ Антоний полностью отрекается от сугубо кровного братства. Условие Антония — соединиться вновь через исповедание веры — является решающим во внутренней борьбе Иоанна: «Он же яко оуслышавъ не хотѣше его ни братом именовати отнюд, ни же бо ни единого причастия имѣти с ним, аще не исповѣсть явленне бл(а)гоч(ь)стие» [11, с. 254]. Именно любовь Антония *во Христе* к своему брату *по плоти* помогает преодолеть последнему страх, рождаемый плотью. Теперь уже Антоний для Иоанна образец, он теперь «старший», в нем уже действует сила Божественной любви, он являет святость в победе над смертью. Здесь явно просматривается библейский мотив первородства, которое определяется не возрастом, а степенью духовного совершенства.

Житие виленских мучеников, на наш взгляд, удивительно «реалистично» с точки зрения изображения процесса внутреннего выбора. Мы не видим мгновенной перемены в Иоанне. Ведь после слов Антония, отказавшегося его «братом именовати... аще не исповѣсть явленне бл(а)гоч(ь)стие», Иоанн не сразу объявил себя христианином при всех. Он вначале сказал о неизменности своей веры во Христа только одному князю в бане, который, как следует из его поведения, был не против тайной веры братьев, желая только внешнего исполне-

ния языческих законов. Поэтому без свидетелей он и не проявил никакой реакции в ответ на это признание: «и некогда к(ъ)н(я)зю предстояше и обычно тому служаше въ бани и к(ъ)няз(ъ) сам сый тогда не имыи что дръзнути || не показа к нему гнѣва» [13, с. 270]. И только второе *прилюдное* исповедание веры возвращает Иоанна и ко Христу, и к брату. Его ввергают в темницу на мучения. Возвращение состоялось и духовное, и физическое. Они опять братья и плотью и духом, и участь у них одна. При этом агиограф указывает на то, что Антоний вошел в Царство Небесное первым, что необходимо было для достижения святости Иоанном: Антоний укрепляет его как старший перед своей мученической смертью. Описано это достаточно подробно: как Антоний радуется возвращению брата, его страданиям от язычников, как они причащаются оба святых тайн, затем по прошествии времени как Антоний, предрекая свою смерть, укрепляет, наставляет Иоанна, затем опять они оба причащаются святых тайн уже накануне казни Антония, Иоанн же обретает мужественность и дерзновенность веры. И далее, после смерти Антония, повествование о нем в «Памяти...» дано кратко и информативно, описаний нет: «Иоаннъ ж(е) по мимоществию предреч(е)ных д(ъ)ни Антонием подобнее и тѣи вѣзвѣшенъ на древо. Б(о)гу д(у)хъ предасть вѣ кд априлиа» [11, с. 256].

После этого о них житие повествует, опять объединяя в одно целое, как о двоице — братьях, честные мощи которых были погребены вместе.

Обратим внимание на интересный факт в изложении этого момента погребения честных мощей Антония и Иоанна. Текст «Памяти...» так говорит об этом: «Ч(ъ)стныя же их мощи предреч(е)нныи множицею с(вя)щ(е)ники [!] (! — примечание Барониуса. — Л.Д., Н.Ж.) съ нѣкими бл(а)гочѣстивыми отаи нощию снемъ, чѣстне погребенъ [!] (! — примечание Барониуса. — Л.Д., Н.Ж.) различныя недугы и стр(а)сти всѣкыя целѣше» [11, с. 256]. В тексте «Страсти...» сразу после слов об убиении Иоанна 24 апреля говорится: «Ч(ъ)стныя ж(е) их мощи нѣции от верных въземше ч(ъ)стно погребоша» [13, с. 272]. Но обратим внимание: между их гибелью проходит 4 месяца, с января по апрель не могло тело Антония висеть на дереве. В этом смысле более достоверен в изложении данного факта свт. Дмитрий Ростовский, который не уточняет, когда, как и кто снял с дерева их честные мощи после смерти Иоанна, просто говорится: «Святые тела Антония

и Иоанна были погребены с честью верующими и положены в одном месте» [12, с. 942]. И здесь нет ни выдумки, ни путаницы, ни натяжки. Житие символично. Истина, которую фиксирует и передает агиограф, для него заключается в том, что братья воссоединились в духовной реальности, обрели *одну славу*, и плоть их — уже не плоть, а мощи, которые *одновременно* прославлены Богом, почему и говорится об исцелениях, идущих от мощей *двух святых*, а не от каждого в отдельности. По сути, здесь завершается линия, по которой развивается мотив братства, — от братства по плоти — к братству во Христе, в Духе.

Таким образом, в отношениях братьев Антония и Иоанна и их пути к святости открывается истинный смысл братства, родственность по плоти не отменяется, а преображается и становится выше естества. Оппозиция земное / небесное, телесное / духовное, вещественное / невещественное в агиографическом контексте теряет свою «оппозиционность», и вещественное обретает невещественность, телесность одухотворяется, земное и тленное становится небесным и нетленным. Сюжетный мотив-топос *братства (родственности)*, развивающийся по принципу сюжета-искушения и затем сюжета-испытания, оказывается соединенным с сюжетным же топосом *подражания Христу* (“*imitatio Christi*”) и создает такие смысловые сдвиги, которые и определили особенность его структуры, отмеченную Т.Р. Руди: святой Иоанн идет не «вслед за», а «идет к» Христу.

Но житие посвящено трем святым, из которых третий, Евстафий, был младшим родственником Иоанна и Антония и также был княжеским воином. Он, зная о мученической смерти Антония и Иоанна и об их святости, принимает крещение от того же священника Нестора и ведет себя, уподобляясь двум братьям, своим родственникам, по-видимому черпая в них силу веры. Полнота мученического подвига ощутима именно в соединении трех святых. С его подвигом происходит утверждение подвига братьев, доказательство их пребывания в Истине. Главное заключается в самом образе Евстафия, который обладает особой гармоничностью. Дается описание его внешности, его целостного облика, перечисляются его юность, красота, мужественность, прямота и цельность натуры: «Еоустафий ж(е) оунъ баше възрастом и еще возрастъ цвѣтущъ имѣ и муж(ь)ственъ, и красенъ, и доблественъ якоже и тѣломъ» [13, с. 272]. Приняв крещение, Евстафий являет собой истинный образ христианина — и внешний,

и внутренний. В связи с его образом продолжается развитие мотива *плоти*. Мы видим волосы, не остриженные, как у огнепоклонников, только еще начавшую расти бороду («възрастающиа брады его власы» [13, с. 272]) — признак его юности и одновременно знак того, что он уже христианин, т. е. те внешние признаки, которые, как и у Иоанна и Антония, стали поводом для обнаружения его причастности к христианству и дальнейшего мучения. В образе Евстафия с особой пронзительностью звучит мотив красоты, молодости, ее силы и крепости, которая подвергается тем более страшным жестоким мучениям. Описание содержит контраст: вначале мы видим цветущую красоту (В «Памяти...»: «Евъѣстафие же юнѣ сый възрастом, мѣхъ брадѣтныи цвѣтящѣ имыи, роусѣи и красенѣ, и добль якож(е) д(у)шею сиде же и тѣлом» [11, с. 258]), а затем избиения его «рожны железными нем(и)л(о)стивно» [13, с. 274], раздробления костей его ног («кости ногу его съкруши» [13, с. 274]), отрезания носа и ушей, сдирания кожи, вливания на холоде ледяной воды в уста — и все для того, чтобы он съел мяса в постный день и тем отрекся от своей веры. Все совершается опять вокруг еды, которая носит в житии религиозно-символический смысл. Дается подробное описание его страданий с концентрацией внимания на мучении *тела* святого. Евстафий по красоте тела и души соотносим и с библейским образом Иосифа Прекрасного, и с юным Глебом, совершившим подвиг вслед за братом. И тем острее звучит мотив *плоти*, которая в этом мучении, зримом искажении, истерзанности, даже обезображении обретает небесную красоту и нетленность. В образе Евстафия умножается подвиг двух старших братьев; в его, несомненно, более тяжелых мучениях звучит радостная и торжествующая нота победы над смертью: повешенный на древе и уже мертвый, оставленный в течение трех дней на съедение зверям, был ими не тронут. Троичность сопровождает образ Евстафия. Три дня его мучили, три дня был на древе после смерти, и мотив нетленных мощей, источающих чудеса, тоже связан с троичностью: «чѣстныа его мощи вземше, отаи проводиша с нѣкими вѣрными трием д(ь)нем поуť ч(ь)стнѣ положиша вкупе съ предреч(е)нными с(вя)тыми м(у)ч(е)ники, чюдеса преславнаа и исцѣлѣния творя» [11, с. 260]. Агиограф очевидно ведет к финалу их жизни и мученического подвига — воссоединению их в Царствии Небесном с Богом Троицей, что и озаменовано в житии повествованием о создании в месте их

мучений храма, посвященного Пресвятой Троице. Правда, время возведения храма указано в житиях по-разному. В «Страстях...» XV в. храм возводится по прошествии времени после смерти всех троих, пусть в разное время, на месте мучений, где явлено было чудо: «по тѣх бо см(ь)рти ни един же от осуженникѣ на мѣстѣ том осуженъ оумрети, но събравше ся хр(и)стиане просиша от к(ъ)н(я)зя приклонити с(я) к молению их и дати тѣм мѣсто як(о) да въздвигнут ц(ь)рк(о)вь с(вя)щ(е)нную» [13, с. 274]. Причем агиограф в «Страстях...» не называет ее посвященной «во имя с(вя)тыя и живоначальныя тро(и)цу» [11, с. 256], как это сказано в «Памяти...» XVI в., отнесшей строительство храма сразу после мученической кончины Антония и Иоанна до мучений Евстафия, но говорит о посвящении ее «въ хвалу и славу самого Г(оспод)а Б(о)га нашего» [13, с. 276]. Но эти отличия никак не нарушают в этих двух текстах важную для жития идею троичности: три святых родственника-мученика своим мученичеством свидетельствуют об истинном Боге-Троице⁴.

Итак, анализ ключевых топосов в житии литовских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия позволяет говорить об «искусстве нюансов» в данном житии, о *несхематичности* функционирования главного топоса агиографической схемы житий мучеников — “*imitatio Christi*”. Это объясняется влиянием особого содержания мотива-топоса *братства, родственности по плоти*, определяющего основной внутренний конфликт образа старшего брата — Иоанна, прошедшего через искуc плоти и компромисса, но совершившего выбор благодаря силе братской любви — мученической смерти за Христа как жизни во Христе: «По том же паки хр(и)стианина себе исповѣда и абие бьенъ быс(ть) от обрѣтших ся тоу руками и палицами и влачим в темницу отводит ся неизреч(е)нныя радости и бл(а)год(у)шиа исполнять брата и пребываху оба в темници бл(а)годаряще Б(о)га о ихже

⁴ По мысли В.М. Кириллина, утверждающего, что «самой распространенной и разработанной разновидностью числописания, встречающейся в древнерусской литературе, следует, несомненно, считать триадологию» [3, с. 274], обращение автора к числам тогда имеют «смысловую целесообразность», когда «использованные в тексте числа оказываются прочно связанными с образом главного персонажа произведения или вовлеченными в его сюжетную структуру» [3, с. 277–278]. В нашем житии цифра 3 очевидно связывает число трех святых с посвящением храма на месте их мучений Святой Троице.

страдаху его ради» (курсив наш. — Л.Д., Н.Ж.) [13, с. 270]. И второй «нюанс» в содержании главного топоса заключается не только в идее уподобления Христу, но и в акценте на утверждении идеи Троичности Бога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

- 1 Антонова М.В. Сюжетные топосы в агиографии. Постановка вопроса // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 172–175.
- 2 Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М.: Гнозис, 1994. 112 с.
- 3 Кириллин В.М. Символика чисел в литературе Древней Руси (XI–XVI века) // Культурология. 2001. № 4 (20). С. 161–166.
- 4 Лопарев Хр.М. Византийские жития святых VIII–IX вв. // Византийский временник. СПб.: К.Л. Риккер, 1911. Т. 18. Отд. 1. С. 1–147.
- 5 Огицкий Д.П. К истории виленских мучеников // Богословские труды. 1984. Сб. 25. С. 226–246.
- 6 Руди Т.Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 59–101.
- 7 Руди Т.Р. «Imitatio angeli» (проблемы типологии агиографической топики) // Русская литература. 2003. № 2. С. 48–59.
- 8 Сперанский Н.М. Сербское житие литовских мучеников // ЧОИДР. 1909. Ч. II: Материалы историко-литературные. С. 1–48.
- 9 Федотов. Г.П. Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990. 269 с.
- 10 Baronas D. Trys Vilniaus kankiniai: gyvenimas ir istorija. [Vilnius]: Aidai, 2000. 383 p.

Источники

- 11 Память святых мученикѣ соущих от страны земля литовская. Антониа, Иоана и Евстафия // Baronas D. Trys Vilniaus kankiniai: gyvenimas ir istorija. [Vilnius]: Aidai, 2000. P. 252–260.
- 12 Страдание святых мучеников литовских Антония, Иоанна и Евстафия // Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святителя Дмитрия Ростовского. Январь – апрель. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата – Белорусской православной церкви, 2002. С. 941–943.
- 13 Passio ss. martyrum Antonii, Joannis et Eustathii // Baronas D. Trys Vilniaus kankiniai: gyvenimas ir istorija. [Vilnius]: Aidai, 2000. P. 268–276.

REFERENCES

- 1 Antonova, M.V. "Siuzhetnye toposy v agiografii. Postanovka voprosa" ["Plot Topos in Hagiography. To the Question Statement"]. *Vestnik Bryanskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, no. 2, 2013, pp. 172–175. (In Russian)
- 2 Zhivov, V.M. *Sviatost'. Kratkii slovar' agiograficheskikh terminov* [Holiness. A Brief Dictionary of Hagiographic Terms]. Moscow, Gnozis Publ., 1994. 112 p. (In Russian)
- 3 Kirillin, V.M. "Simvolika chisel v literature Drevnei Rusi (XI–XVI veka)" ["Symbolism of Numbers in the Literature of Old Rus' (11th–16th Centuries)"]. *Kul'turologiia*, no. 4 (20), 2001, pp. 161–166. (In Russian)
- 4 Loparev, Chr.M. "Vizantiiskie zhitii sviatykh VIII–IX vv." ["Byzantine Lives of Saints of 8th–9th Centuries"]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantine Times], vol. 18, part. 1. St. Petersburg, K.L. Rikker Publ., 1911, pp. 1–147. (In Russian)
- 5 Ogitskii, D.P. "K istorii vilenskikh muchenikov" ["On the History of Vilnius Martyrs"]. *Bogoslovskie trudy* [Theological Works], issue 25, 1984, pp. 226–246. (In Russian)
- 6 Rudi, T.R. "Topika russkikh zhitii (voprosy tipologii)" ["Topics of Russian Hagiographies (Typology Issues)"]. *Russkaia agiografiia. Issledovaniia. Publikatsii. Polemika* [Russian Hagiography. Investigations. Publishing. Controversy]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2005, pp. 59–101. (In Russian)
- 7 Rudi, T.R. "Imitatio angeli' (problemy tipologii agiograficheskoi topiki)" ["Imitatio angeli' (Problems of Typology of Hagiographic Topic)"]. *Russkaia literatura*, no. 2, 2003, pp. 48–59. (In Russian)
- 8 Speranskii, N.M. "Serbskoe zhitie litovskikh muchenikov" ["The Serbian Life of Lithuanian Martyrs"]. *Chteniia v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom universitete Materialy istoriko-literaturnye* [Readings at the Imperial Society of Russian History and Antiquities 1909. Historical and Literary Materials], part II, pp. 1–48. (In Russian)
- 9 Fedotov, G.P. *Sviatye Drevnei Rusi* [Saints of Old Russia]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1990, 269 p. (In Russian)
- 10 Baronas, Darius. *Trys Vilniaus kankiniai: gyvenimas ir istorija*. Vilnius, Aidai, 2000. 383 p. (In Lithuanian)

Информация об авторах:

Людмила Григорьевна Дорофеева — доктор филологических наук, доцент, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, ул. А. Невского, д. 14, 236041 г. Калининград, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3622-8379>

E-mail: lgdorofeeva@mail.ru

Наталья Павловна Жилина — доктор филологических наук, доцент, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, ул. А. Невского, д. 14, 236041 г. Калининград, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2114-0451>

E-mail: nzhilina@rambler.ru

Information about the authors:

Lyudmila G. Dorofeeva, DSc in Philology, Associate Professor, Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, A. Nevsky St. 14, 236041 Kaliningrad, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3622-8379>

E-mail: lgdorofeeva@mail.ru

Natalia P. Zhilina, DSc in Philology, Associate Professor, Professor of the Immanuel Kant Baltic Federal University, A. Nevsky St. 14, 236041 Kaliningrad, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2114-0451>

E-mail: nzhilina@rambler.ru

Для цитирования: Дорофеева Л.Г., Жилина Н.П. Ключевые мотивы в древнерусском житии литовских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия: к проблеме агиографической топики // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 21 / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 251–266. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-251-266>

© 2022, Л.Г. Дорофеева, Н.П. Жилина

For citation: Dorofeeva, L.G., Zhilina, N.P. “Key Motifs in Old Russian Hagiography of the Lithuanian Martyrs Anthony, John and Eustathius: to the Problem of Hagiographical Topic.” *Gerменевтика drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Issue 21. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 251–266. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-251-266>

© 2022. Lyudmila G. Dorofeeva, Natalia P. Zhilina